

Роман Днепровский

# Малиновы пиджакъ

или Культурная  
контрреволюція

Роман Днепровский

**Малиновый пиджакъ. или  
Культурная контрреволюція**

«Издательские решения»

**Днепровский Р. В.**

Малиновый пиджакъ. или Культурная контрреволюція /  
Р. В. Днепровский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851202-5

Книга рассказов Днепровского — это типичный образец «современной литературы» эпохи постмодерна, в которой нет злодеев и героев, но хватает и смешного, и грустного, и самого невероятного.

ISBN 978-5-44-851202-5

© Днепровский Р. В.  
© Издательские решения

## Содержание

Истина – где-то рядом...	6
Реквием писачей машинке	8
Про кота, геральдику и атомную субмарину	14
Ода Настоящему Капитализму	18
Хроники Иркутского насобачного гусарского полка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# **Малиновый пиджакъ или Культурная контрреволюція**

**Роман Владимирович Днепровский**

*Редактор* Алексей Николаевич Шманов

© Роман Владимирович Днепровский, 2017

ISBN 978-5-4485-1202-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Истина – где-то рядом... (вместо вступления)

*Как Остап Ибрагимович читал когда-то «советский» Уголовный Кодекс, Роман Днепровский в широком смысле читает культурные традиции. Это не слепое подражание Салтыкову-Щедрину, Ильфу-Петрову, Чехонте-Зоцевлатову или Джерому-Марку К. Твену-Джерому. Следует сначала полюбить их всех, скопом и порознь, затем «переварить» и, руководствуясь рецептами «Адской кухни», испечь нечто новое, свое, что вполне уже можно назвать Романско-Днепровским стилем*

*Книга начинается с заглавия «Малиновый пиджакъ», но это изделие явно не из гардероба героев Днепровского, да и сам автор в нем непредставим. Однако, вспомним «Королей и капушту» О. Генри. В книге Днепровского есть все, кроме пресловутых пиджаков вызывающей расцветки.*

*С заглавием вроде бы разобрались, поговорим теперь о подзаголовке. Любая «контрреволюция» подразумевает возвращение к «свергнутым» истокам, в данном случае – культурным. То есть речь идет, на мой взгляд, о возвращении к тем самым культурным традициям, не просто ненасильственным, но интеллигентным, культурным путем, что для автора крайне важно.*

*Роман занимательно рассказывает занимательные истории. Я сам вместе с ним занимал неоднократно. Иногда выдвигались в другой конец города. Без предварительного звонка. Ночью. Пешком. Бывало, нас посылали обратно, но чаще... Увы, прошли те занимательные времена. Или все-таки знаменательные? Неважно.*

*Работая над составлением книги, я много узнал полезного, да и бесполезного, но весьма любопытного. Например, о том, что в медицинском институте существует «Библиотека Человеческих Органов». В ней все-все, из чего мы с Вами состоим, дорогой читатель! Буквально каждый Орган и Член нашего тела заспиртован, точнее, заформалинен в отдельной стеклянной посудине. Можете представить? Но и ЭТО еще не все! У наших родных Внутренних Органов, как их не назови, тоже есть своя Библиотека, причем Человеческая (не всегда же они звери, в конце концов). И они ее читают долгими ночными дежурствами в своих отделениях и опорных пунктах, и, может быть, становятся все человечней и человечней от этого...*

*Не все еще Повести написаны о Настоящих Человеках, далеко не все! Смотришь вокруг – всюду фальшь, и ведь не определишь без подсказки Днепровского, что нет-нет, да и попадаются Настоящие Люди или даже Настоящие какие-нибудь Явления.*

*Это и старый еврей, рожденный в концлагере, мастер по ремонту пишущих машинок. И целая австрийская фирма, выпускающая сейфы и выполняющая свои обязательства уже полторы сотни лет, несмотря на революции, оккупации и две Мировых войны. И самопровозглашенный Горский Князь, построивший свою саклю на склоне Иерусалимской горы. И, конечно же, братья наши меньшие, которые часто умней и человечней своих старших родственников...*

*Про цикл «Истина где-то рядом...» отдельный разговор. Много таинственного, необычного и просто смешного происходит на просторах необъятной и необъяснимой нашей Родины.*

*Как свой, автор входит в мастерские художников и кабинеты банкиров, в редакции газет или телеканалов и в закрома коллекционеров антиквариата. Он много видит, подмечает, а потом пишет свои рассказы, умные и остроумные, грустные и ностальгические, «рыбные» и «собачьи», но, главное, позитивные, со здоровым юмором.*

*Но довольно слов, предлагаю приступить к чтению, и обещаю, никто не уйдет разочарованным! Вперед!*

***Алексей Шманов (Шаманов),**  
член Союза Российских Писателей,  
редактор-составитель, друг, собутыльник и нередко персонаж.*

## **Реквием писачей машинке**

### ***Из цикла «Повести о Настоящих Человеках»***

Прошлым летом, коротая время в вымирающем посёлке Боярский на южном берегу Байкала, где у нас сломалась машина, в ожидании отправившегося за нужной деталью автостопом до Верхнеудинска Сержа (LJ-юзер sergey\_tibet), я лениво перелистывал взятые в дорогу номера «Русского Репортёра», и наткнулся на статью о пишущих машинках. Оказывается, летом 2010 года в Индии закрылся последний в мире завод, который их выпускал, представляете? Всё! Их больше никогда не будет! Компьютер убил пишущие машинки, превратил их во «вчерашний день», в винтаж, в антиквариат, в реликт прошлого, сделал их бесполезным хламом и предметом коллекционирования.

Я был, наверное, последним из иркутских журналистов, работавшим на «механике»: ровно до 2004 года набивал свои тексты на машинке, сам отвозил их в редакцию – а Кулехов, матерясь, перенабирал их на своём компе, жертвуя ради меня своим драгоценным временем. А я ему даже ни разу и не проставился за это с гонорара – впрочем, он и не пьёт уже давным-давно... А потом Кулехов, с воплями: «Это невыносимо! Сколько ж можно?!» притащил мне старый редакционный комп: «Осваивай!» Я освоил, потом вышел на просторы Сети... и умер. Умер, как грамотный человек.

Компьютер, друзья мои, убивает грамотность: сделаешь ачипятку – он подчеркнёт слово с ашыпкой; кликнешь мышкой – исправит слово. В ЫнтырнЭте – и того хуже: здесь, вообще, никто ничего не исправляет, здесь кто как слышЫт, тот так и пишЫт. А то? Олбанский-то Езык откуда? А попробуйте-ка сделать ляп, когда набираете текст на писачей машинке! Зубами свою ачепятку выгрызаете будете, языком зализывать! Кто сегодня помнит про такие непереносимые и необходимые девайсы любого, мало-мальски, продвинутого пользователя ПМ (Пишущей Машинки, а не Пистолета Макарова), как штрих, липкая лента, бритвочки? Они были точно также необходимы, как необходимы другому ПМ – пистолету Макарова – шомпол, и щёточка для чистки дула, и маслёнка с маслом. Впрочем, для механической пишущей машинки маслёнка тоже необходима – и я покупал для своей именно оружейное, в охотничьем магазине: во-первых, оно действительно самое лучшее для такого рода механики, а во-вторых, к своей «Виталине» я относился, как к личному оружию. Ну, и использовал примерно также: «мочил» в газете разных нехороших людей, а потом мы с ними судились из-за публикаций. Один такой суд я даже проиграл...

Ладно, вернёмся к пишущим машинкам. Как же они стрекотали у мамы на работе, в Управлении комплектации оборудования, что размещалось в смешном и кривом старинном здании бывшей гостиницы, прямо над железнодорожным вокзалом! Вскоре, это стрекотание переместилось к нам домой: мама привезла с работы электрическую пишущую машинку – большую и тёмно-зелёную – и вечерами печатала на ней: брала часть работы на дом, а, кроме того, набивала текст своего диплома. Наш дом в тот год поставили на капитальный ремонт: жильцов никуда не расселяли, и целый день по квартире ходили брутальные работяги – тянули трубы, что-то сваривали, долбили... Во всех комнатах, там, где шли трубы центрального отопления, в полу, в потолке и в стенах зияли сквозные дыры – соседи стали ближе и роднее, и мы с соседом Вовкой через эти дыры общались, гоняли друг другу «малявы» на ниточках. А кроме того, соседи из двух квартир, расположенных напротив, приходили к нам набирать воду, умываться, мыть посуду – ну, и кое за чем ещё... Потом, когда канализацию меняли уже в нашей квартире, мы навещали соседей по тем же вопросам.

А мамина машинка стрекотала и стрекотала каждый вечер! И кончилось это однажды тем, что в нашу квартиру постучались незваные гости.



– Здравствуйте, – сказали незванные гости, демонстрируя дедушке свои удостоверения, – покажите нам пишущую машинку.

Машинка была показана, и гости поинтересовались, что мама на ней печатает. Мама продемонстрировала служебную документацию и свою дипломную работу. Гости долго изучали бумаги, изучали машинку. Потом велели маме собираться и ехать с ними. Машинку они тоже увезли. Через три часа маму, вместе с печатной машинкой, те же двое молодых людей привезли обратно. Они извинились перед дедом, называя его «уважаемым Геннадием Ивановичем», объяснили, что поступил некий «сигнал»... что в городе появились анонимные листовки антисоветского содержания... что они обязаны были отреагировать на сигнал и всё проверить – это их служба... что они сейчас проверяют всех владельцев пишущих машинок... Затем они ещё раз извинились и ушли.

Я вряд ли забуду когда-нибудь, что творилось в квартире, когда увезли маму: бабушке я наливал корвалол и валокордин – она лежала на диване, совершенно бледная. Отец звонил в свою милицию, звонил своему начальству – толку от его звонков не было. Тогда за телефон сел дед. Позвонил мэру города, Николаю Францевичу Салацкому, на домашний телефон, коротко обрисовал ситуацию. Салацкий сказал, что перезвонит. Перезвонил через сорок минут, и сказал, что маму скоро привезут обратно, не нужно беспокоиться. Через два дня Салацкий приехал к нам – бабушка испекла для него рыбный пирог, дед пил с Николаем Францевичем коньяк, я играл для мэра полонез Огинского на пианино...

Случилось это в декабре 1982 года. Андроповщина, мать её. Кто из соседей «стукнул» на маму, догадаться было нетрудно; потом мы с этой соседкой больше не здоровались.

Сейчас ведь, если кому рассказать, что в СССР для того, чтобы приобрести пишущую машинку, нужно было идти в милицию, в разрешительную систему, оформлять на неё специальное разрешение – не поверят же! А ведь потом ещё нужно было предъявлять это разрешение директору магазина, и он записывал все данные покупателя в особый регистрационный журнал. А потом ещё нужно было придти с машинкой в милицию, и там её ставили на учёт, переписывали её серийный заводской номер, заводили особую учётную папку, в которой в обязательном порядке лежал лист бумаги с отпечатками литер... Ведь не поверят же, скажи такое кому-нибудь сейчас! И непременно начнут спорить и доказывать, что ничего такого не было, что если и было, то гораздо раньше, при Сталине. Было, ребята, было – и при Сталине, и при Хрущёве, и при Брежневе, и при Андропове, и при Черненко – только при Горби закончилось. И не фальсифицируйте историю.

Мою самую-самую первую пишущую машинку я нашёл в том же 1982 году на свалке мебельной фабрики «Байкал». На эту свалку иркутские мебельщики выбрасывали обрезки древесины, опилки и прочие производственные отходы. Ну, а мы туда регулярно наведывались за разными дощечками-фанерками, чтобы было, из чего выпиливать лобзиком и на чём выжигать картинки выжигательным приборчиком. Впрочем, посещали эту свалку не только мы, мальчишки, но и взрослые дяденьки тоже: они приезжали сюда на своих машинах и загружали в багажники и в салон обрезки досок и брусков. Время от времени, их задерживала милиция, как я сейчас понимаю, за «разворовывание социалистической собственности», выброшенной на свалку. А как иначе-то? Впрочем, в посёлке Горьковском, что поблизости от этой свалки, кажется, все дачные домики из этих отходов и построены...

Ладно, я не о древесине, а о пишущей машинке. Как уж оказался на этой свалке совершенно антикварный «Ундервудъ», я не знаю, но нашёл я его именно там. Нашёл и решил тащить домой, чего бы мне это ни стоило. Машинка была тяжеленная – килограммов семь-восемь в ней уж точно было, если не больше. А мои друзья, с которыми я приехал расхищать социалистическое имущество, ржали надо мной. Ничего, хорошо смеётся тот, кто смеётся последним! Нас заметил какой-то взрослый расхититель древесины, под завязку набив-

ший салон своих «жигулей» брусом и обрезной доской. Видя, как я корячусь с «Ундервудом», дядька полюбостыствовал, нафига мне, извините, этот металлолом сдался?

– А Ромка у нас писателем решил заделаться! – ответили за меня мои друзья-приятели.

– Писателем? – переспросил дядька, – а далеко ли тебе ехать, писатель? Могу, если что, подвезти, но только тебя одного, с «Ундервудом», для остальных места в машине нет...

Он довёз меня до дома – добрая душа! – и даже занёс мою находку на наш третий этаж. Прощаясь, произнёс:

– Ну, удачи тебе, писатель! С такой-то машинкой она тебе особенно потребуется!

О том, чтобы починить «Ундервудъ», заставить его работать, не могло быть и речи: машинка была убита навсегда. Мало того, что у неё была безвозвратно утеряна каретка, так ещё и корзина представляла из себя единый, намертво сросшийся ком насквозь проржавевших литер. Зато, все кнопочки, хоть и бездействующие, сохранились полностью – и «ять» там была, и «фита», и «Ъ», и «і», и прочие буквы.

Я очень надеялся починить эту писачую машинку, но – не судьба. На память о ней у меня остался передний щиток с корзины, на котором красуется надпись: *«УНДЕРВУДЪ. Главный Представитель для всей Россіи Г. Герляхъ, Варшава, ул. Чистая 4. Отделенія: С. Петербургъ, Караванная ул. 11, Москва, Б. Лубянка 14»*.

Эту писачую машинку я надеялся починить. Ну и что, что без валика? Починим! В те годы наши педагоги и наставники регулярно устраивали для нас такое массовое развлечение, как сбор металлолома. В горах железа, принесённого учениками на задний двор школы, можно было обнаружить и покореженные, изуродованные пишущие машинки. Тут же во дворе, на табурете, сидел школьный трудовик, вооружённый молотком, отвёрткой и зубилом, и бойко убивал машинки, чтобы – не дай Бог! – ни одна из них не осталась в рабочем состоянии. Помню, на том месте, где он проводил свою экзекуцию, потом ещё долго валялись, словно мелкие косточки, рычажки с литерами. Эти-то литеры я и собрал в школьный портфель, надеясь вставить в свой «Ундервудъ».

Естественно, из этой затеи у меня ничего не получилось, и вскоре «Ундервудъ» был увезён на дачу, где занял своё место в импровизированном «музее забытых вещей», который мы с мамой устроили прямо на улице, возле глухой восточной стены веранды. Здесь мы поставили старенькую печку-«буржуйку», на стену присобачили деревянное колесо от телеги, рядом с которым разместились два железнодорожных керосиновых фонаря и коровье ботало; внизу, под этой инсталляцией, на чурбачках и на старой скамейке встали в ряд несколько чугунных утюгов, распаянный самовар, который я подобрал в лесу – и здесь же мы разместили мою писачую машинку. Со временем, к ней добавились ещё две – не настолько старинные, но не менее ржавые и фактурные.

Школьное детство навсегда оставалось позади, а вместе с ним уходило в прошлое советская власть и весь тогдашний маразм. Пишущие машинки появились в комиссионках и в пунктах проката. Туда-то я и отправился выбирать себе орудие производства. Комиссионки я отнёс сразу же: там на прилавке стояли такие рыдваны, что не имело никакого смысла даже и подходить к ним: старые конторские динозавры с разбитыми корзинами и повизгивающими каретками, они были хороши, разве что, для антуража, но никак не для работы.

На переулке со смешным названием «им. 8 марта» в маленькой конторе по прокату бытовой техники, разместившемся на первом этаже облезшей хрущёвки, я нашёл свою «Виталину», миниатюрную югославку в абрикосовом корпусе, с аккуратными беленькими клавишами и в таком же белом футлярчике. Боже, сколько же всякой ерунды было на ней отпечатано, сколько бумаги было изведено впустую! А, с другой стороны, именно на ней я набил самые лучшие свои тексты, которыми горжусь до сих пор. Сколько всего пережили мы вместе, знаем только я и Виталина! Теперь, после появления компьютера, она поселилась у меня на антре-

солях, но я планирую, после ремонта, выставить её на полку книжного стеллажа. Виталинка заслужила более почётного места, нежели тёмный угол в шкафу под потолком.

Я исправно платил за неё целых шесть лет – с восемьдесят девятого по девяносто пятый год, пока однажды мне не позвонили на работу из пункта проката, и не предложили зайти к ним. Я зашёл.

– Мы всё время смотрим Ваши передачи по телевизору, – сказала мне пожилая сотрудница пункта проката, – и не можем понять: почему Вы до сих пор платите нам за машинку, почему не купили себе новую в магазине?

Вопрос этот, конечно же, меня покорибл, но я ничего не стал говорить этой даме. В конце концов, люди задают бестактные вопросы вовсе не со зла. Им кажется вполне естественно, например, поинтересоваться, сколько ты получаешь денег, сколько тратишь на еду и прочую коммуналку, и куда деваешь остальные? Хамство, конечно же, но хамство не со злости, а от глупости. Как говорится, «ничего личного».

– Я ведь, почему спрашиваю, – продолжала эта сотрудница, – наш пункт проката закрывается. Так вот, мы хотели бы предложить Вам выкупить у нас машинку по остаточной стоимости. Вам это обойдётся в 456 рублей. Согласны?

Конечно же, я согласился. Я настолько привык к Виталине, что мне даже в голову не приходило, что у меня может быть другая машинка. Ее наличие я воспринимал уже, как данность, а необходимость каждый месяц платить за её прокат, как неизбежное зло. Тем более в день на пачку сигарет я тратил тогда ровно пятисотку...

Время от времени у нас с Виталиной случались поломки. Особенно часто отпаивались и слетали со своих рычажков литеры. Тогда я брал Виталину на руки, закрывал её в футлярчик, и нёс на лечение – мастерская по ремонту располагалась в двух шагах от нас, в старом деревянном доме, на улице Грязнова. Мастером, который каждый раз «вставлял зубки» моей Виталинке, был очень колоритный персонаж: старый, совершенно испитый еврей с каким-то огромным и совершенно бесформенным носом. Всё лицо Мастера было покрыто этой ужасной «сосудистой сеточкой» выступивших красных капилляров. Но дело своё Мастер знал, неспроста, наверное, лацкан его неизменного клетчатого пиджака украшал тяжёлый винтовой значок «Заслуженный изобретатель-рационализатор РСФСР».

– Опять растряхал свою девочку?! Опять всю её разворочал?! – весело орал он мне, едва я переступал порог мастерской, – ну, давай её сюда! Дядя Гриша посмотрит девочку, зашьёт её.

Вооружившись зачем-то лупой, точь-в-точь такой же, как у часовщиков, он начинал осмотр машинки. Осмотр продолжался минуты две, затем Мастер, не глядя на меня, бросал:

– Через пару часов!

И я шёл домой. В назначенное время машинка была отремонтирована и пахла свежей смазкой, а я получал бесплатно дополнительную порцию инструкций по уходу за ней, щедро перемежаемую совершенно пошлыми и даже хамскими гинекологическими аналогиями. В конце девяностых мастерскую закрыли, а деревянный дом, где она располагалась, снесли. Сейчас на его месте стоит элитный особнячок, окружённый кованой оградой.

Мастера дядю Гришу я встретил случайно на улице только через год, и был очень рад этой встрече. Дело в том, что у машинки в очередной раз отпаялась от рычажка литеры «И», и я уже измучился, вставляя при печатании, вместо нее букву «П» и подрисовывая потом косые чёрточки в этой «П» по всему тексту.

– Совсем заездил девочку, – заорал мастер, – а без дяди Гриши и вовсе её укатаешь! Диктуй свой адрес, вечером зайду, посмотрю...

И он пришёл, уже слегка «тёпленький», и важно расположился за моим письменным столом. Через час машинка была починена, а когда я заикнулся об оплате, дядя Гриша изрёк:

– Нах...й деньги! Денег у старого жида и без тебя хватает! Лучше выпей со мной, – и достал из портфеля початую поллитровку. Я выпил с дядей Гришей, и потом ещё не раз пил

с ним, когда с Виталиной приключались мелкие неприятности, и я вызванивал его по телефону. Постепенно, за этими посиделками, он рассказал мне всю свою биографию.

Он появился на свет в немецком концентрационном лагере, в котором, среди прочих евреев, содержались его родители. Только чудом они оказались не уничтожены. Просто, в 1945 году Советская армия продвигалась настолько быстро, что узников не успели ликвидировать. Я не помню названия этого лагеря.

Дядя Гриша рассказывал и про свою жену, которая скончалась лет за десять до того от сердечного приступа. Она была акушером-гинекологом, и мне стало понятно, откуда у дяди Гриши все эти натуралистические генитальные аналогии. Его дети ещё в самом конце восьмидесятых уехали в Израиль, и звали его, но он отказывался:

– Чего я в этом Жидостане забыл!? – кричал он, – одни жида вокруг! Здесь я – Человек, Мастер – а там?! А деткам моим там нужен не я, а моя пенсия узника фашизма – вот и всё!

Рассказал мне дядя Гриша и о том, за что он получил свой знак изобретателя-рационализатора. Будучи совершенно дремучим в области механики, я ничего не понял, но история его кончилась тем, что когда он пришёл к руководству какого-то заводика внедрять своё изобретение, то в ответ услышал: «Вот вали в свой Израиль, и там командуй! А здесь мы как-нибудь сами, без жидовских советов, справимся!» Дядя Гриша сильно обиделся и врезал говоруну кулаком в челюсть. Челюсть сломалась в трёх местах, после чего обиженный дядя Гриша поехал на три года на стройки народного хозяйства в Тулунский район, а его изобретение, кажется, так и не было внедрено.

Освободившись, он устроился в мастерскую по ремонту пишущих машинок, где мы с ним и познакомились. Пишущие машинки были его страстью, он называл их «своими девочками», и даже собрал небольшую коллекцию очень любопытных старинных экземпляров. Я видел ее. Была у дяди Гриши и барабанная машинка, литеры которой расположены не на рычагах, а на вращающемся барабане, и какая-то совсем крошечная, немецкая, и старинный «Ремингтон», и «Олимпия», и, конечно же, «Ундервудь», точь-в-точь такой же, как тот, что я нашёл в детстве. Видя, как я стою и облизываюсь, дядя Гриша сказал:

– Будешь хорошо себя вести – будет и тебе «Ундервудь»! У меня, как раз, сейчас есть ещё один. Закончу ремонт, и тебе подгоню! За бутылку, а? – и хитро подмигнул. Увы, своё обещание дядя Гриша так и не смог выполнить. Как я узнал потом, он умер, возвращаясь домой, в трамвае: остановилось сердце. Пассажиры ничего и не поняли: сидит пьяный мужик, хрипит... Кому охота возиться с пьяным? До сих пор, иногда вспоминая этого одинокого, озлобленного на мир человека, находившего отдушину только в водке да в пишущих машинках, я думаю, почему он вдруг разоткровенничался со мной? Не нахожу ответа.

Моему другу, художнику и дизайнеру Юрке Гимову пару лет назад на день рождения подарили «Ундервудь». Юрка прикрутил к задним ножкам петельки, и повесил машинку на стену в мастерской. Через полгода на стене висел уже целый ряд чёрных, архаичных пишущих машинок: «Москва», «Башкирия», ещё кто-то... Помню, когда на праздновании дня рождения кто-то из гостей внёс и протянул Юрке эту «оргтехнику», у меня внутри что-то ёкнуло: появилась зависть, появилось ощущение какой-то несправедливости. «Почему именно Юрке? – подумал я, – ведь Юрка не журналист, ведь это я здесь журналист, ведь это символ моей, а не его, профессии!» Сейчас я не завидую другу, потому, что знаю: будет когда-нибудь и у меня свой «Ундервудь», найду я себе это чудо. А потом, может быть, и нарисую себе личный герб, на котором своё место займёт изображение пишущей машинки. Как иначе-то? Символ профессии.

...Если выстроить этаким ассоциативный ряд, первая печатная машинка займет в нем место где-то рядом с самой первой моей женщиной. Не с девушкой, а именно с Женщиной,

зрелой и опытной, с которой всё по-настоящему, по-взрослому было. Такая вот ассоциация, ни больше и не меньше...

## Про кота, геральдику и атомную субмарину

### *Из цикла «Истина где-то рядом...»*

История эта имела место быть лет десять назад, во время посещения делегации Иркутской мэрии базы Тихоокеанского флота, а конкретно атомного подводного крейсера «Иркутск». Что такое атомная подводная лодка, думаю, нет нужды никому объяснять. А вот почему одна из субмарин Тихоокеанского флота носит имя моего родного города нужно сказать несколько слов. Хотя сейчас среди определённой части людей и считается «хорошим тоном» поливать грязью «лихие девяностые», всё же хорошего в те времена было сделано немало. И в качестве одного из таких положительных примеров можно назвать соглашение, которое тогдашний мэр Иркутска Борис Говорин заключил с командованием ТОФа. Мэрия Иркутска брала на себя ответственность за то, чтобы очередной призыв на военную службу проходил без срывов, а командование флота обязалось не направлять призванных на флот иркутян, куда Бог на душу положит, а формировать из земляков единый экипаж. Когда у матроса, служащего на АПЛ, есть с кем не только словом перекинуться, но и родные улицы вспомнить, и общим знакомым кости помыть, то и служба не так в тягость. Мне кажется, очень даже хорошее соглашение.

Нельзя сказать, что городские власти, сбавив иркутских парней на АПЛ «Иркутск», совсем уж после этого не интересовались их судьбой, и никак иркутянам не помогали. Интересовались, и помогали: и продукты иркутские пищевые предприятия поставляли на флот по льготным ценам, и с концертами иркутские рокеры и эстрадники к землякам в Петропавловск-Камчатский ездили, и ещё разные хорошие совместные дела у мэрии с командованием флота были. Главное, что иркутские парни охотнее стали идти на флот, а пройдя службу, не были разочарованы. Ну, и никакого «казарменного мордобоя» и прочей дедовщины на подводной лодке «Иркутск» отродясь не было, а уже одно это дорогого стоит.

Визиты чиновников городской администрации на АПЛ «Иркутск» со временем сделались регулярными, и вот к одному из таких визитов «отцы-командиры» решили сделать гостям приятный сюрприз, подняв на борту корабля флаг Иркутска, тем более, что город в то время обзавёлся собственным флагом. Одна беда: никто из офицеров толком не знал, что же представляет собой этот самый флаг. В отличие от своих подчинённых, никто из них прежде никакого отношения к нашему городу не имел.

Не знаю, почему они не обратились за консультациями по вопросам геральдики к матросам-иркутянам. Может, им такая мысль просто в голову не пришла, а, может, сработал извечный принцип «командир лучше знает!» Короче, не обратились, а вместо этого полезли в Интернет и набрали в поисковике «флаг Иркутска». Вывалилась им одна-единственная малюсенькая картинка с изображением флага: бело-синее поле, один в один напоминающее старый советский военно-морской флаг, что не могло их не порадовать, а на широкой белой полосе герб Иркутска: некий геральдический зверь, который тащит что-то куда-то в зубах...

Повторяю: иркутян среди офицеров не было, а к матросам обращаться они сочли ниже своего достоинства. Вот если бы спросили, что это, мол, за зверюга на вашем гербе изображена?... – в ответ услышали бы скороговорку, отскакивающую от зубов любого, мало-мальски владеющего азами устной речи, иркутянина: «БАБР-НЕСУЩИЙ-СОБОЛЯ!» И не было бы никакого конфуза. Но господа-товарищи офицеры понадеялись на свою флотскую смекалку, и конфуз в результате случился...

Прежде чем продолжить рассказ о весёлых событиях, имевших место на борту АПЛ, нужно несколько слов сказать о том, что это за зверюга такая – Бабр, и о том, как она, собственно, на иркутский герб забралась.

Итак, городской герб Иркутску был пожалован в 1690 году, и представлял собой червлёное (серебристое) поле, на котором по зелёному лугу бежит зверь Бабр с тушкой соболя в зубах. Бабр символизировал одновременно силу и мощь Государства (тогда уже, в 1690-м году *de facto*, Империи), и фауну здешних мест. Соболю же был и символом богатства края, и одновременно наглядно демонстрировал, «шо мы имеем от гуся», то есть, что Москва имеет с Восточной Сибирью. Что в семнадцатом веке Восточная Сибирь платила Московскому Престолу налоги соболиными шкурками, что сейчас их отсюда в столицу везут – будто, и не изменилось ничего за три с половиной столетия...

Так что это за зверь такой – Бабр? А всё очень просто! Русское слово «бабр» – это испорченное бурятское слово «бар», более известное сегодня в его тюркском варианте «барс» или «елбарс». Словом этим здесь прежде тигру полосатую называли! Вот и вся загадка! В те времена тигров в Прибайкалье хватало, так что ни у кого не вызвало сомнений, что именно эта красавица-зверюга должна стать символом города и края. Правда, уже к концу восемнадцатого столетия тигров в Прибайкалье выбили полностью: для того, чтобы уничтожить это чудо, огромную полосатую кошку, много-то ума не надо. А к середине девятнадцатого столетия, когда Департамент Герольдии получил от Государя задание привести, наконец, в порядок всё российское поземельное геральдическое хозяйство, изначальное значение слова «бабр» было начисто забыто, а чиновники Департамента, надо полагать, его и не знали вовсе. К тому же в распоряжении тогдашних геральдистов имелось только старинное, достаточно схематичное изображение иркутского герба, присутствовавшее на печати Московских Государей, да описание, в котором говорилось, что на иркутском гербе какой-то зверь Бабр куда-то тащит соболя. Соболя чиновники знали, а что за Бабр такой, у них не было ни малейшего представления. Предположили, было, что бабр – это бобёр, да нашёлся среди них умный человек, который сказал, что соболю вообще-то звери хищные, а бобры... бобры, разве что, бревно могут до смерти загрызть. Грызуны они и есть грызуны. А где это видано было, чтобы грызуны хищниками питались? Не бывает такого.

Почесали затылки Санкт-Петербургские геральдисты, да и нарисовали на гербе Иркутска какого-то условного зверя: кота – не кота, собаку – не собаку... На всякий случай, пририсовали этому своему монстру плоский бобровый хвост-весло, сунули в пасть соболя (видимо, чтобы не возмущался) и сообщили всем заинтересованным лицам, что се – Сибирский Зверь Бабрь, соболя в зубах несущий. И утвердили герб.

Со временем крысообразно-котоподобно-собаководный Бабр приобрёл более достойный, хотя и более схематичный вид, в коем и стал официальным символом сначала города Иркутска и Иркутской губернии, а в 1960-е годы, когда в Советском Союзе было решено частично восстановить старинную поземельную геральдику, был возвращён в качестве герба города Иркутска и Иркутской области.

Но вернёмся на атомную подводную лодку «Иркутск», офицеры которой историю иркутской геральдики не знали, ни с какими бабрами никогда не встречались и в Иркутске ни разу не были, но перед которыми стояла боевая задача: к визиту иркутской делегации изготовить флаг с символикой города-побратима их корабля.

Я не присутствовал в капитанской каюте во время «мозгового штурма», посвящённого решению поставленной боевой задачи, но, скорее всего, выглядело это примерно так:

– Так! – говорил командир корабля, – что нам известно о гербе Иркутска? Думаем, господа офицеры! Думаем и вспоминаем!

– Там, вроде, изображён какой-то, не то бобр, не то бабр, – робко отвечал кто-то из подчинённых, – который тащит в зубах... этого... соболя, кажется.

– Отставить! – ревел командир, – какого ещё «соболя»? У Вас, товарищ мичман, для чего голова на плечах, – чтобы фуражку носить или чтобы в неё есть?! Сами-то поняли, что сказали? Как это бобёр может тащить в зубах соболя?

– Ну, не соболя, – подавал голос другой офицер, – а этого... рыба у них там в Байкале есть, название созвучное. Помните, они в прошлый раз её привозили? И в позапрошлый... Как же её? Ах, да! Омуль! Точно, омуль!

– Ну вот, – отвечал командир, – это уже теплее! А то скажете тоже «соболя»! Хотя немудрено и ошибиться: «соболя – омуль». Слова похожие. Итак, что мы имеем? Как Вы сказали? Бобр? Бабр? Ага! Значит, Бабр, несущий омуля! Хорошо!

– А разве бобры рыбой питаются? – подал голос ещё кто-то, – да и зверь-то у них вроде Бабр, а не бобр называется. Точно, Бабр! Слово диковинное – вот и запомнилось! Только знать бы, что это за зверь такой Бабр?

– Ну вы, блин, даёте! – смеялся на это замечание командир, – здесь же всё очень просто! Раз тащит рыбу, значит, он кто? Значит, КОТ! Кот, которого зовут Бабр! Вот и всё!

Вот и всё. На сушу тотчас же был отправлен вестовой, который направился в ближайшую фирму, занимающуюся нанесением рисунка на ткань, и уже через час флаг был готов.

Когда через некоторое время делегация мэрии города Иркутска прибыла на базу Тихоокеанского флота, высоких гостей встречал выстроенный вдоль причальной стенки экипаж атомного ракетного крейсера «Иркутск». Моряки-иркутяне держали равнение, и солёный океанский ветер трепал ленточки бескозырок. Грянул торжественный марш, и на флагштоке крейсера взвился внушительных размеров флаг. На флаге, очень напоминавшем тот, что украшает здание Иркутской мэрии, все присутствующие увидели огромного чёрно-белого полосатого кота с пушистым хвостом и глумливой харей. Художник, создавший сей образ, явно запечатлел этого наглого котяру в тот момент, когда полосатый разбойник где-то спёр жирную рыбину и теперь по-тихому смывался с места преступления...

Я завидую выдержке наших городских чиновников. Вот у стоящих во втором ряду за их спинами иркутских журналистов, сопровождавших делегацию, такой выдержки не было. Если бы не гром военного оркестра, то их ржание было бы слышно если не на Аляске, то на другом берегу бухты уж точно!

Когда торжественный марш смолк, возглавлявший делегацию заместитель мэра Сергей Иннокентьевич Дубровин таким светским тоном, как будто и не случилось ничего, поинтересовался у командира подлодки:

– Что это за флаг, если не секрет?

– Ну как же?! – немного смутился командир корабля, – это же флаг города Иркутска! Иркутский кот Бабр, несущий в зубах байкальского омуля...

Новый взрыв смеха среди пишущей братии не случился только потому, что ни у кого уже просто не осталось на него сил. Журналисты только тихо стонали, пряча лица.

– Да? – тем же великосветским тоном поинтересовался Сергей Иннокентьевич, – очень своеобразная, нестандартная трактовка привычного символа! Весьма оригинально, спасибо! Знаете, – обратился он к командиру корабля, – давайте сделаем так: нам было бы приятно увезти с собой с борта нашей подлодки-побратима этот замечательный иркутский флаг, а взамен, администрация Иркутска подарит другой, более... более каноничный, – нашёл нужное слово заместитель мэра, – договорились?

Командир корабля почувствовал некий подвох, понял, что где-то они с флагом прокололись – вон, и журналисты ведут себя как-то странно... Однако он не стал ломать себе голову, а просто принял предложение вице-мэра. И в положенный срок на борт атомного подводного крейсера «Иркутск» был доставлен флаг города Иркутска с памяткой-описанием и исторической справкой, в которой в доходчивой форме объяснялось, что это за зверь такой Бабр. А флаг с «котом Бабром», скрывшим где-то рыбину, уехал в Иркутск...

После завершения официальной части мероприятия, журналисты спрашивали матросов-иркутян:



– Ну ладно, офицеры, они не знали, каким должен быть герб Иркутска, но вы-то, парни, знали! Почему же не подсказали-то им?

– Ну... – мялись матросы, – тут дело такое... Во-первых, они и сами могли спросить... А когда мы увидели флаг, представили, какой у них выйдет конфуз, и решили молчать. Да и «кот Бабр» у них сильно прикольный получился...

Р.С. В канун юбилея Иркутска в городе заговорили о том, что пора-де, уже, наконец, поставить точку в этой полуторовековой путанице: вернуть на иркутский герб фигуру тигра, а непонятное чёрное существо с плоским хвостом, перепончатыми лапами, кошачьей мордой и красными глазами с герба убрать. Скажу честно, я не в восторге от этой идеи. Конечно, тигр – это тигр, но... но это непонятное чёрное существо с плоским хвостом за более чем полтора века настолько «прижилось» на гербе Иркутска, что его будет не хватать. Исчезнет ещё одна тайна, ещё одна городская легенда, ещё одним мифическим животным станет меньше. Ведь этот самый Бабр тем и уникален, что другого такого Бабра нет ни на одном гербе мира. Драконов, морских коней, русалок, грифонов и прочих всяких единорогов хоть отбавляй, они что по европейским, что по остальным гербам табунами ходят, а вот Бабра больше нет нигде.

Давайте не будем эту зверюгу с нашего герба прогонять, ладно?

## Ода Настоящему Капитализму

### *Из цикла «Повести о Настоящих Человеках»*

Давно, ещё в начале девяностых среди моих столичных знакомых был один банкир. Серьёзный банкир, хотя, в ту пору ему, кажется, ещё и тридцати не исполнилось. Позже, уже к концу девяностых его имя стало достаточно хорошо известно в России, а потом я вообще перестал о нём слышать. Жив ли сейчас, а если жив, то где и как поживает, я не знаю. Ну, а имени его я называть не буду, скажу только, что благодарен ему за то, что с его помощью, я успел в юности немного посмотреть мир. Спасибо ему за это.

В 1991 – 92 годах, я и не знал, что Игорь (назовём его так) – владелец банка. Вернее, знал, что он крупный предприниматель, да и общие знакомые за глаза называли его «банкиром», но всё это как-то не встраивалось в образ этакой «акулы Уолл-Стрита», толстяка с сигарой в зубах, одетого в смокинг и белоснежную манишку, с высоким цилиндром на голове. Но в один прекрасный день мне суждено было, что называется, открыть Игоря для себя заново, и случилось это в тот день, когда он попросил меня заехать к нему непосредственно в офис. Я и заехал, и там, в его кабинете, собственно, и состоялось наше «второе знакомство».

Надо сказать, в то время я ещё очень плохо представлял себе, что такое «офисный дизайн» и прочий евроремонт. В родном городе тогда ничего подобного и в помине не было, а среди моих московских и питерских друзей банкиры и владельцы концернов-заводов-газет-пароходов явно не преобладали. Поэтому, попав в его кабинет, причем уже после холла, коридоров и приёмной, я был слегка шокирован. Кабинет был какой-то неправильной формы: не то, пяти, не то шестиугольная комната, в которой не было, кажется, и двух стен, параллельных между собой. В придачу белоснежные стены, чёрное ковровое покрытие на полу, чёрный зеркальный потолок... чёрная офисная мебель... Минимализм и хай-тек, которым через несколько лет все были сыты по горло. Но моё внимание сразу же привлекла своеобразная инсталляция, что возвышалась в углу кабинета за рабочим столом его владельца. Там стоял огромный, почти в человеческий рост воронёный старинный сейф: на львиных лапах, с мощной бронзовой ручкой-«штурвалом», с ажурной «коронай» по верху. Подобные украшения почти всегда имеются на старинных буфетах и напольных зеркалах, но сейф с «коронай» я видел впервые. Но этого мало, на сейфе стоял старый ржавый пулемёт «Maxim», тот самый, что все поколения советских людей прекрасно представляют по фильму «Чапаев».

– Вот это да-а! – вырвалось у меня.

– Ребята нашли на Дону, в Ростовской области, – с гордостью стал рассказывать Игорь, – привезли и подарили! Ржавый, конечно, но думаю, и починить можно!

– А зачем? – задаю глупый вопрос.

– Как это «зачем»? – усмехается банкир, – чтобы работал! Если снова случится какая-нибудь революция, и ко мне придут экспроприаторы какие-нибудь банк национализировать, я сам за него лягу, и отстреливаться буду! До последнего патрона!

Сказано было вроде бы шутливым тоном, но по глазам Игоря было видно: если что случится, точно, ляжет за пулемёт.

– А сейф такой откуда? – снова спрашиваю я.

– О, сейф! Сейф здешний, мы его в этом особняке и нашли, когда ремонт стали делать. У него, правда, замок не работал, ключей, естественно, не было, так и стоял открытый. Я и распорядился, чтобы его от краски очистили, подреставрировали, да сюда поставили. Для мебели, – Игорь смеётся, – ну, а потом уже он стал вполне рабочим. Дело было так...

Игорь подвёл меня вплотную к сейфу, и указал на верхнее украшение, «корону», на которой был изображён старый габсбургский герб – двуглавый австрийский орёл, и шла какая-то надпись на немецком языке.

– Видишь? Вот это – название фирмы-производителя. Пока сейф здесь стоял и я на него каждый день любовался, и надпись эту выучил наизусть. И вот полгода назад поехал по делам в Вену, а там на одной из улиц вижу вывеску этой же самой фирмы! Я зашёл: так, мол, и так, есть у меня сейф, который вроде бы ваша фирма изготовила. Мне отвечают, что да, мол, они делают сейфы, и спрашивают, какие у меня к их продукции есть претензии? Объясняю им, что никаких претензий нет, что их «продукции», которая находится в моей собственности, уже больше ста лет, так просто стоит в кабинете для украшения, ключей ведь всё равно нет. Тогда они говорят мне, что не может такого быть, ибо все ключи, от каждого, выпущенного ими сейфа хранятся у них, и если я сообщу им индивидуальный номер, они выдадут мне дубликат ключа! Я не поверил, но звоню в Москву секретарю: посмотри, мол, на внутренней стороне дверки сейфа, какой там номер, да и пришли факс на туда-то... Через пять минут приходит факс из Москвы. Они смотрят номер, звонят куда-то, и ещё через пять минут в кабинет служащего, с которым я разговаривал, приносят папку с документами на наш сейф! Оказывается, он изготовлен летом 1878 года, мастер такой-то, а заказчик московский купец такой-то! Но этого мало, в папке лежит дубликат ключа! Клерк даёт мне бумаги, показывает, как их заполнить, а пока я заполнял их, они изготовили и принесли мне ключи от сейфа! Но и это ещё не всё! Где-то через неделю после моего возвращения в Москву, мне звонят из Вены и говорят, что фирма отправила специалиста, который осмотрит мой сейф, и, если есть какие-то дефекты в его работе, устраним их совершенно бесплатно. Что-то, вроде гарантийного ремонта, вернее, оный самый и есть! Представляешь?

Игорь достаёт ключ, вставляет его в скважину, поворачивает, затем крутит запорный «штурвал», и сейф с мелодичным звоном распаивается, демонстрируя содержимое своего нутра. А банкир радуется, как школьник:

– Ай, да австрийцы, ай, да капиталисты! Ведь после этого 1878 года чего только у них не было: и революция была, и первая мировая война, и вторая, и немцы их оккупировали, и Сталин, а все документы уцелели! И ключ этот уцелел! И не только этот, ВСЕ ключи от ВСЕХ сейфов, которые они когда-либо делали! Ай да капиталисты!

Я часто в последние годы вспоминаю этот разговор, этот рассказ про сейф и австрийских «ай да капиталистов». И вот что я думаю: тот ключ, который банкир Игорь с гордостью демонстрировал мне тогда, не просто ключ – символ. Символ нормального капитализма. Действительно, революция, две мировых войны, германский аншлюс, последующая советская оккупация, а небольшая частная фирма не растеряла ни одного ключа, и готова заботиться о своих клиентах, даже если прошло больше ста лет. И хочется, вслед за банкиром, повторить: «Ай, да австрийцы, ай, да капиталисты!»

Только вот очень обидно, что с момента нашего разговора прошло уже двадцать лет, а символом «капитализма» российского для меня остаётся... знаете, что? Тот самый пулемёт «Maxim», установленный на сейфе.

## **Хроники Иркутского насобачного гусарского полка**

### ***Из цикла «Истина где-то рядом...»***

Каких только историй не услышишь в пригородных электричках! За это-то я их и люблю, скрашивают, знаете ли, такие истории монотонную дорогу под перестук колёс. А если интересный собеседник подвернулся, или рассказчик-оригинал – красота! Совсем недавно, двигаясь в сторону моей любимой Старой Ангасолки, услышал я совершенно феерическую историю. Немолодой дядька-дачник с пышными бакенбардами «а-la Император Александр II», погрузился в события двухвековой давности и рассказал историю создания Иркутского гусарского полка, который, как известно, «до самого Парижа дошёл и узурпатора Буонопартия пленил». Нет, я всё знаю, на самом-то деле всё вовсе не так было! Иркутский полк был не гусарским, а драгунским. Гусарским он стал называться только после того, как его объединили с недоукомплектованным Московским гусарским полком, который на свои средства формировал граф Салтыков. Повторю, я всё это знаю, но версия моего случайного попутчика кажется мне заслуживающей того, чтобы познакомить с ней читающую публику, ибо рассказ этот просто великолепен.

– ...Ни фи́га не знаем мы своей истории!

Мой попутчик пристально на меня поглядел. Мы с женой только что обсуждали какой-то эпизод Отечественной войны 1812 года, который в лучших своих традициях передёрнул граф Лев Николаевич Толстой в своём знаменитом четырёхтомнике. Я думал, что беседуем мы достаточно тихо, но вот, поди ж ты, услышал нас попутчик и вступил в разговор.

– Вот вы, например, что-нибудь слыхали про Иркутский гусарский полк?

Я уже было собирался блеснуть эрудицией, но дядька не дал мне этого сделать.

– Конечно же, не слыхали! Ну, так я вам сейчас расскажу!

Он удобнее устроился на жёсткой скамье, подвинул к себе стоявший на полу алюминиевый горбовик и начал свой рассказ:

– Значит, так! Как только началось военное вторжение французов, Царь Александр I объявил общую мобилизацию! В его Указе говорилось, что каждая губерния должна снарядить и отправить к театру военных действий свой гусарский полк! А что такое гусарский полк и кто такие гусары? – рассказчик хитро подмигнул нам, – это ж, братцы мои, лёгкая кавалерия! И не просто лёгкая кавалерия, а чисто дворянское формирование. Не элитное, конечно, именитые наши нотабли от века в Кавалергардском Отдельном Его Величества полку служили, но, тем не менее... А теперь смотрим, что представляла собою тогда наша Иркутская губерния?

Рассказчик снова хитро подмигнул и продолжил:

– Судите сами: территория от Енисея до Аляски включительно, а населения – с гульки́н нос! В Иркутске к 1917 году дворян было раз, два, и обчёлся! У нас даже и Дворянского собрания не было за неимением нотаблей. Общественным собранием обходились! А уж в 1812 году и подавно никакого полка из иркутских дворян не наберёшь, разве что, роту... Ну, и что делает наш Генерал-Губернатор?

– Что? – спрашиваем мы. Этот мужик с горбовиком и бакенбардами бесцеремонно врубился в нашу беседу, атаковал нас с наскока, чисто по-гусарски! Но его не хочется перебивать, его хочется слушать дальше. И мы слушаем.

– А вот что! – дачник-краевед поднимает вверх палец, – Генерал-губернатор был голова! И он издаёт указ, в котором объявляет, что в формируемый гусарский полк принимаются не токмо дворяне, но все желающие без различия племён и сословий! И вот, когда этот указ зачитали в каждой деревне, то в деревнях началось – что?

Рассказчик направил указующий перст на меня, и стал похож на знаменитого красноармейца с плаката.

– Что – слегка опешив, спрашиваю я.

– Да пьянка! – он раскатисто захохотал, и остальные пассажиры, повернувшись к нам, тоже стали прислушиваться к рассказу. – Пьянка началась на радостях! Мужики так поняли, что их теперь с дворянством в правах уравнили! Вот и пошёл по деревням праздник: пьют, да гуляют! А тут... Буряты!

Здесь чудной мужик понижает голос и продолжает уже заговорщицким тоном:

– Буряты смотрят, что у русских праздник и ничего понять не могут. «Однах-то, чего у вас за праздник?» – спрашивают у русских буряты. «Так война началась, храмцуз на нас напал!» – радостно отвечают мужики. «И – чего, однах-то теперь?» – не понимают буряты. «Чо-чо! – отвечают им мужики, – Царь-батюшка таперя нас в гусары служить зовёт! В элитные конные войска! Будем теперь все, как дворяне, как господа! Вот чо!» Буряты призадумались, а потом и говорят: «А мы, однах-то, тоже хотим в гусары!», а мужики им отвечают: «Нет! это – токмо с разрешения губернатора!»

Здесь рассказчик вновь подмигивает нам.

– Теперь представьте, выходит Его Высокопревосходительство утром на балкон Сибиряковского дворца и видит, что вся набережная запружена бурятскими конниками! Набережную же представляете? Так там парка-то раньше не было... Так вот: вся набережная конниками бурятскими запружена! Ну, Генерал-губернатор вестового посылает: сгоняй, мол, узнай, чего им надо. Вестовой возвращается, и докладывает: так, мол, и так, приехали буряты из улусов, в гусары записаться хотят! Губернатор обрадовался, зовёт полковника, который из Петербурга приехал: вот, дескать, тебе войско, принимай под свою команду! А полковник, как увидел эту туземную рать, так чуть заикаться не начал: «Я, – говорит, – этих степняков под свою команду брать не буду! Они ж ни строя не знают, ни Устава, да и куда их столько?! Нам полк сформировать надо, а тут их на целую дивизию! Нет и нет!» Ну, Губернатор тут, конечно же, возмутился: «Бери, – говорит, что есть! А что много их, так мы им скажем: пусть промеж собой самых лучших выберут!» Сказано – сделано: позвали во дворец самых знатных из тех, что под губернаторский балкон съехались, да и говорят им: вы, мол, сами выберете из своих воинов тех, что самые лучшие! И что, вы думаете, сделали буряты?

– Что?! – в третий раз спрашиваем мы у удивительного нашего попутчика. А он опять хохочет, и продолжает:

– Они соревнования устроили! Прямо здесь же, под балконом у губернатора! Навроде олимпийского многоборья: борьба, джигитовка, стрельба из лука, скачки, прямо Сурхарбан! Победителей выстроили в шеренгу: вот, мол, самые лучшие! Губернатор на это дело смотрит, и опять полковнику: «Ну, что скажешь? Принимай полк!» Полковник смотрит и чуть не плачет: буряты-то эти один к одному, здоровяки! А на своих маленьких лошадках сидят, ногами чуть земли не касаются! Полковник – губернатору: «Это ж стыд! Они ж – будто на собаках сидят! Насобачный полк какой-то!» Тут Губернатору это надоело: «Бери, – рыкнул он на полковника, – таких, какие есть! Других нету! И завтра же выдвигайтесь в поход, бить Буонопарта! Всё!» – а бурятам и говорит: «Всё, братушки! Поздравляю! Вы теперь гусары Его Величества!» А они, как услышали, так давай кричать «Ур-р-ра!!!»

Переведя дух после громового, прогремевшего на весь вагон «ур-р-ра!», рассказчик продолжил:

– Губернатор в тот вечер приказал, чтоб во всех городских кабаках новопожалованным гусарам чарку водки бы подносили, а денег не брали. И всем горожанам приказал, чтобы защитникам Царя и Отечества наливали. Ну, а буряты те пошли по городу угощаться, да загадку тут же придумали: почему у Бонупарта лица нет? Горожане ту загадку в тот вечер уже тысячу раз слышали, но всё равно подносили новопожалованным гусарам чарку и только когда те

выпьют до дна, спрашивали: почему, мол, нет лица у Бонупарта?» А потому, – отвечали новопожалованные гусары, – что лицо, однах-то, не голове растёт! А раз Бунопарт этот на нас напал, то у него, стал быть, и головы нет, а вместо головы ж\*па! А раз ж\*па, значит, пороть пойдём!» – здесь наш спутник вновь расхохотался, и его добрый раскатистый смех подхватили и многие пассажиры, – вот такой вот наивный степной патриотизм!

Отсмеявшись, он продолжил:

– Выдвинулся новый полк к театру военных действий. Был он сформирован из бурят, примерно, на две трети. Вахмистры сплошь русские, службу знают. Им был приказ: пока полк движется, обучить новобранцев всему, что должен знать гусар. Вот вахмистры и объясняют всё по дороге, да на привалах: как строй держать, да как атаковать, да кого атаковать, а от кого гусару хорониться. Кто первый враг гусара? – рассказчик снова пристально смотрит на меня, и сам себе отвечает: – Улан! Потому, что улан вооружён пикой! Буряты, как услышали слово «улан», так испугались. Слово-то тюркское, означает на всех тюркских языках «красный»! А красного человека эти новобранцы видели и знали только одного, городского палача, вот и испугались. Ну, вахмистры им стали объяснять, что улан это не палач, а всадник с пикой. Для гусара с саблей – первый враг! Тут они давай смеяться, буряты, то есть: «Он с пикой, однах-то, ну, и мы пики возьмём!» А вахмистры говорят: «Не положено!» – «Почему?» – спрашивают новобранцы, – а вахмистры опять: «Не положено – и всё! Гусару положено с саблей быть, а если он возьмёт пику, то он уже улан, а не гусар. А гусару уланом быть НЕ-ПО-ЛО-ЖЕ-НО!» Я не знаю, – продолжает наш собеседник, – поняли те буряты или не поняли, почему гусару уланом не положено быть. Но они по-другому сделали. Раз им пики не положены, они вспомнили некоторые приёмы сабельного боя, которые ещё их прадеды против пик и копий применяли, да и показали их русским вахмистрам, да гусарам! Вахмистры в шоке: вроде, нигде в уставах таких правил конного боя нет, но ведь против пики действует! А значит, так тому и быть!

Мужик взглянул в окно и засобирался.

– Моя станция скоро, поэтому заканчиваю. Короче, слава про этот Иркутский гусарский полк, в котором гусары улан с их пиками саблей сбивают и из седла выкидывают, по всему русскому фронту пошла! А полк, к слову, так «Насобачным» и прозвали, как полковник говорил. Правда, их уже на Урале на нормальных, высокорослых коней переседлали, но кличка осталась!... Ладно, ещё короче: из других полков к иркутским гусарам стали посылать учиться сабельному бою: езжайте, мол, к этим *насобачникам*

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.